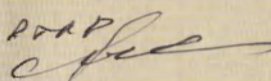

Сергей Аксентьев

*Морисаб Субмоти
им. М.А. Верещагина
с уважением АРААР
11.03.2012, *

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

ЧАСТЬ III. НА ФИЛИППИНАХ

Из многочисленных вояжей Василия Верещагина по странам и весям поездки на Филиппины и Кубу остаются по-прежнему наименее известными периодами его жизни и творчества...

ТРЕВОЖНЫЕ СБОРЫ

Открыв 16 декабря 1900 года вильновскую выставку в генерал-губернаторском дворце, Верещагин в тот же день уехал в Петербург. В своих воспоминаниях А.В. Жиркевич отмечает тревожное возбуждение именитого гостя: «Предчувствие близкой смерти вообще преследовало его в дни пребывания в Вильне. Он был убежден, что не вернется из задуманного им путешествия (на Филиппины — С.А.) на родину. ...Заговорит о близком конце и перейдет, со слезами на глазах, к своей семье, детям, с которыми тяжело расставаться. ...Невольно хотелось спросить его: «так зачем же вы все это бросаете?» и удерживался из деликатности».

В Петербурге Василий Васильевич пробыл не долго. Решив свои дела, повстречался со Стасовым, тоже обратившим внимание на разительные перемены в поведении старого друга. «Он оставался у меня от 3 до 11 вечера, — сообщает Владимир Васильевич своей племяннице В.Д. Комаровой. — Был мил, умнее, любезен, все что угодно, но... прежнего Верещагина уже нет. Прежняя сила, гордость, взбалмошность, непреклонность — пропали. В сто раз мягче стал, многое стал спускать, ступшевывать, прощать... Характер прежний и физиономия — сбавились!!!». А перед самым отъездом на Филиппины Верещагин молит Стасова принять на себя роль душеприказчика: «...прошу Вас позаботиться о том, чтобы в случае если умру, утону, буду застрелен и т.п., в возможно скором времени после моей смерти была устроена в Обществе поощрения художеств аукционная продажа моих картин и выручена возможно большая сумма денег моим «детям на молочишко». И это пишет человек незаурядной смелости, воли и твердости характера!

БОЛЬШАЯ ИГРА

В конце 80-х годов германский флаг взвился над островами архипелага Бисмарка, расположенного к северо-востоку от Австралии, а Страну Восходящего Солнца наводнили германские военные инструкторы, юридические и экономические советники, активно насаждавшие «пруссский» дух в японские вооруженные силы, законы, торговые кодексы, образование. Однако успех германского милитаризма на японских островах оказался кратковременным. Поставив 10 мая 1895 года свою подпись под ультиматумом о возвращении Японией Ляодунского полуострова Китаю, Берлин надеялся заручиться поддержкой России и Франции в установлении своего владычества на Тайване и в приобретении Филиппин у несговорчивого испанского двора. Однако ни

Василий Верещагин в кругу семьи

Москва, ни Париж не оказали должного давления на Мадрид, и от идеи овладения Филиппинами пришлось отказаться. Правда, удалось выторговать Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Такой расклад, похоже, вполне устроил Берлин, поскольку приобретенные территории оказались удобным плацдармом для дальнейшей германской экспансии в Тихоокеанском бассейне.

В Японии германское участие в ультиматуме «трех» расценили как предательский удар в спину со стороны фальшивого друга. Прервав сотрудничество с Германией в строительстве флота, Токио нашел покровителя в лице Великобритании, передав ей все свои военные заказы. Это техническое сотрудничество, переросшее в военный альянс, существенно повлияло на дальнейшие события в Дальневосточном регионе и исход русско-японской войны 1904-1905 годов.

В Лондоне давно и очень ревниво следили за проникновением России в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Еще во время первой поездки Верещагина в Индию (1874–1875) английские спецслужбы всячески противодействовали его желанию посетить Непал и Тибет, рассматривая повышенный интерес иностранца к пограничным районам как рекогносцировку сухопутных путей проникновения России в Индию через горные перевалы. Верещагину пришлось даже обращаться к послу в Великобритании графу Петру Андреевичу Шувалову (до июня 1874 года начальник III третьего отделения Е.И.В. Канцелярии — С.А.) с просьбой выслать в Бомбей соответствующие рекомендательные письма. А Владимира Васильевича Стасова — взять на себя труд организовать в российской печати кампанию против индийских средств массовой информации, обвинявших его в шпионаже. «Намеки на возможную цель моей поездки были высказываемы и прежде, — пишет он В.В. Стасову 12/24 апреля 1875 года из Агры, — и я боюсь думать, что когда я предприму тщательный обзор и объезд гималайских границы с ее в высшей степени интересными странами и племенами, подозрения эти обратятся в положительную уверенность. Меня бесит одна мысль о том, что всюду полицейские агенты будут сдавать меня с рук на руки. ...В Одетуре английский резидент не дал мне ничего, кроме вежливых отказов».

После окончания японо-китайской войны (1894-1895) Петербург в 1898 году принудил Китай передать России в аренду сроком на 25 лет Квантунский полуостров с городом Порт-Артур и подписать контракт на строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). На Даунинг-стрит, в ответ на этот шаг, приступили к разработке плана нейтрализации продвижения «Русского медведя» в свои суверенные территории. Но разразившаяся в Поднебесной «боксерская война» (октябрь 1898) под лозунгом борьбы против иностранного засилья вынудила Великобританию заключить союз с Россией (апрель 1899). Правда, союз оказался, как и все предыдущие, недолговечным. Еще в начале XIX века участник англо-русской войны 1807-1812 годов морской офицер Захар Панафидин точно подметил: «Англичане очень странно поступали со всеми своими союзниками: везде видна цель собственной выгоды». И в этот раз, несмотря на заверения оказать активное участие в подавлении мятежа, англичане предпочли сделать это руками союзников.

В это же время бурно развивающиеся Соединенные Штаты Америки активно вытесняли слабеющую Испанию из бассейнов Карибского и Южно-Китайского морей. После загадочного взрыва американского броненосца «Мэн» (об этом читайте в НИТ 6, 2011 г.) 15 февраля 1898 года в Гаванском порту американцы начали полномасштабные действия. Конгресс принял резолюцию с требованием к Испании незамедлительно освободить Кубу, передав ее на попечительство США, Министерство иностранных дел разорвало дипломатические отношения с Мадридом, американские средства массовой информации развернули шумную кампанию против «испанских жестокостей на Кубе». В стране начался призыв в армию волонтеров и боевое развертывание флота. С 21 апреля корабли ВМС США приступили к захва-

«В госпитале», 1901 г.

ту всех испанских судов, идущих на Кубу, а тремя днями позже Испания объявила войну США. Война закончилась подписанием 10 октября 1898 года Парижского договора, согласно которому Испания отказывалась от всех своих притязаний на Кубу, острова Антильского архипелага, острова Гуам в Микронезии и за 20 миллионов долларов уступала американцам Филиппины. Куба объявлялась независимым государством. Правда, эта независимость осталась на бумаге. Вскоре американцы полностью оккупировали «остров Свободы», превратив его в свой протекторат с главной военно-морской базой в Гуантанамо. А вот Филиппины оказались крепким орешком, и, чтобы окончательно утвердиться там, завоевателям пришлось в течение почти четырех лет (февраль 1899 — апрель 1902) изрядно потрудиться, используя все методы: от обмана, предательства и угроз до жесточайших военных карательных операций с самыми изуверскими способами усмирения непокорных аборигенов.

Даже беглый обзор международной обстановки показывает, что опасения за свою судьбу у Василия Васильевича были совсем не преувеличены. О предвоенной ситуации в этом регионе, готовой в любой момент разразиться огненным ураганом, он наверняка знал. Но остается загадкой — кто и зачем послал пятидесятивосьмилетнего художника во взрывоопасную мировую Тмутаракань и какая роль ему при этом отводилась? Ведь нельзя же принимать всерьез расхожее объяснение о «синдроме войны», каждый раз побуждавшем Верещагина отправляться в самую гущу кровавой драки, едва она вспыхивала не важно где.

В недавно изданной в серии ЖЗЛ книге «Верещагин» ее автор Аркадий Кудря выдвигает версию, что художник отправился на Филиппины для написания нескольких картин из американо-филиппинской войны с намерением показать их патриотично настроенным американцам вместе со своими полотнами «1812 год» — и тем самым усилить значимость наполеоновской серии. Эта версия, как и всякая не противоречащая здравому смыслу, имеет право быть. Но если таковую задумку художник и держал в голове, то жизненного воплощения она не достигла. Что подтверждает и автор книги: «По-видимому, картины эти были начисто лишены

«Письмо на родину» («Письмо к матери»), 1901 г.

«Письмо осталось неоконченным», 1901 г.

обличительного пафоса прежних военных полотен Верещагина» и, добавив от себя, по своему содержанию не способствовали пониманию глубинного смысла наполеоновских полотен. Ясно одно: мы никогда не узнаем всей правды об этой странной поездке, но попытаться приподнять завесу тайны должны, с тем, чтобы лучше понять внутренний мир художника.

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

Путь на Филиппинские острова оказался не близким и не скорым. Предстояло преодолеть по вечно беспокойным водам южных морей тысячи морских миль от Одессы через Суэцкий канал, Порт-Саид, Манилу и далее... в Пекин. Если учесть, что Верещагин, как он сам не однажды писал, «не любил морской службы, в которой меня укачивало», то путешествие сулило плохому живописцу наряду с душевными немало и физических страданий.

Еще в Петербурге Василий Васильевич договорился с издателем О.К. Нотовичем регулярно информировать читателей «Новостей и биржевой газеты» о своем путешествии. Сообщения эти регулярно появлялись в рубрике «Из записной книжки» и сейчас являются единственными документальными свидетельствами той поездки. Из них мы узнаем, что своевременному выходу парохода Добровольного флота «Саратов» из Одессы во Владивосток помешал сильный шторм, разыгравшийся на Черном море, и плавание началось лишь 2 января 1901 года. Командовал пароходом обрусевший араб Шейх-Ашири, с которым у художника сразу же сложились приятельские отношения.

Как известно, после переезда из Франции, где художник прожил почти пятнадцать лет, в Россию (осень 1891) Верещагин вел затворнический образ жизни. Почти не выезжал из своей усадьбы-крепости Нижние Котлы в российские столицы и неохотно принимал посетителей. А вот во время многочисленных путешествий, будучи человеком многоопытным и разносторонне осведомленным, обладая талантом рассказчика, а когда надо — внимательного и заинтересованного слушателя, Василий Василь-

евич легко сходил с приглянувшимися ему людьми. Длительное плавание как нельзя лучше располагало к общению, и эту возможность Верещагин активно использовал. Сначала познакомился с курьером от кабинета министров капитаном Соколовым. От него узнал, что тот направляется в Порт-Артур с почетной миссией: доставить подарки (украшенные алмазами саблю и шашку) от императора Николая II русским военачальникам — адмиралу Е.И. Алексееву и генералу Н.И. Гродекову, отличившимся при подавлении «боксерского» народного восстания в Китае. Более интересным с точки зрения информативности оказался другой попутчик: капитан 2 ранга Владимир Николаевич Китаев, направлявшийся в Порт-Артур в качестве представителя Невского судостроительного завода. В доверительных беседах он поведал живописцу, что международная обстановка на Дальнем Востоке быстро ухудшается и война становится реальной. Японский военно-морской флот растет и количественно и качественно, открыто заявляя претензии на господство в Тихом океане. Англичане ведут двойную игру, но если, не дай бог, вспыхнет война, можно не сомневаться — окажутся на стороне японцев. Отправлять в Порт-Артур построенные в Петербурге миноносцы своим ходом через Суэцкий канал, Индийский океан и Южно-Китайское море теперь рискованно и накладно. В правительстве принято решение: используя суда Добровольного флота, а с открытием КВЖД — поезда, доставлять в Порт-Артур отдельные части строящихся боевых кораблей и там, на специально построенных стапелях, силами специалистов Невского завода собирать и спускать их на воду. Это позволит существенно снизить затраты на перегоны и сведет к нулю риски потерь новых боевых кораблей.

9 января 1901 года «Саратов» бросил якорь в Порт-Саиде. Короткую стоянку Верещагин использовал для знакомства с портом, в котором впервые побывал двадцать пять лет назад, возвращаясь в апреле 1876 года с Елизаветой Кондратьевной из Индии. Здесь он замечает перемены и, прежде всего, в «лингвистических познаниях местных жителей». Торговцы, обслуга, прохожие на улицах с удовольствием щеголяют перед иностранцем своими познаниями русского языка. Из этого факта путешественник

делает вывод: российские моряки частые гости в порту, следовательно, грузооборот российских торговых компаний со странами Аравийского полуострова и Индостана на подъеме.

Пока шли Суэцким каналом, Василий Васильевич из бесед с членами экипажа выяснил, что «боксерское» восстание в Китае оказало существенное влияние и на морскую коммерцию. Массированная переброска войск на Дальний Восток вздула цены на фрахт и вынудила Германию и Россию срочно закупать суда у Англии, чтобы самостоятельно осуществлять доставку войск. Но как только это произошло, фрахтовщики резко снизили цены на услуги, а портовики взвинтили оплату за бункеровку и стоянку, сделав перевозки на собственных судах экономически невыгодными. В итоге, замечает Верещагин, выиграли все, кроме воюющих сторон.

Из экономии средств на заправку углем «Саратов» зашел не в Аден, а в богом забытый порт Перим. «Порт плох, — сообщает в своих записках Верещагин, — а подходы к нему изобилуют опасными рифами. Беда, если какой корабль наскочит в здешних водах на риф: туземцы-сомалийцы, имеющие репутацию завязых разбойников, постараются ограбить и корабль, и пассажиров». Унылое место вновь пробуждает душевную тревогу за близких. «Болит душа моя за необходимость долгой разлуки, — пишет он из Перима своему другу В.А. Киркору, — со слезами прошу Вас поддержать мою милую жену и детишек. Поездка не в поездку от беспокойства и страха за моих милых...». Миновав благополучно Персидский залив и Аравийское море, «Саратов» 24 января прибыл в Коломбо. От наблюдательного взора путешественника не ускользнуло, что англичане на Цейлоне обосновались комфортно и основательно. Город ухожен, широкие прямые улицы, посаженные пальмами, чисты и красивы. Проходя мимо Суматры, от бывалых людей узнал, что голландцы, с XVII века владеющие островом, так и не покорили местных аборигенов. «Говорят, — сообщает он читателям «Новостей и биржевой газеты», — что кроме источников нефти, на этом многострадальном острове много других богатств, но туземцы ничего не дают возводить голландцам, разрушают их начинания, и неизвестно, когда кончится этот порядок вещей». И рекомендует покорителям: «Опыт американцев с Кубой и Филиппинами, конечно, служит указанием, чего следует держаться при всякой борьбе с темнокожими».

В Сингапуре Верещагин покидает борт «Саратова». Пароход следует в Нагасаки и далее в Порт-Артур, а он оформляет документы для посещения Филиппин и ближайшим рейсом на немецком пароходе отправляется в Манилу. Время в Сингапуре Василий Васильевич использовал рачительно. Например, выяснил каковы там позиции русской торговли. Они оказались далеко не лучшими. В основном торговали русскими папиросами и паюсной икрой. А ведь только «...одна соседняя Манила, — отмечает он, — с массой американского военного элемента, ее наполняющего, поглотит сколько угодно... русского добра, умело выбранного и доставленного».

«Раненый», 1901 г.

Надо признать, Верещагин с молодости обладал редкой способностью делать емкие обобщения из разрозненных фактов. Логически безупречно расставляя полученную информацию, он создавал впечатляющую картину происходящих событий, интересную для профессионалов-аналитиков не в меньшей степени, чем его художественные полотна для ценителей живописи.

Из Сингапура художник посылает письмо В.А. Киркору, в котором сообщает, что поездка в Китай откладывается и он вернется на родину, скорее всего, в конце апреля. И снова молит приятеля: «Милый, дорогой Василий Антонович. ... Не откажите пожертвовать немного Вашего времени на посещение моего семейства. Сказать Вам не могу, до чего мне горька моя разлука с милыми — свет не мил, работа не мила!».

3 февраля пароход «Чинг-Мей» подошел к острову Лабуан, последнему пункту на пути в Манилу. Здесь заканчиваются и путевые заметки Верещагина и письма на родину...

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ВЕРЕЩАГИН И ЧТО РАССКАЗАЛ МАРК ТВЕН

О своем пребывании на Филиппинах всегда словоохотливый на этот счет Верещагин на сей раз предпочел не распространяться, обмолвившись лишь однажды в письме (6/19 апреля 1901) А.В. Жиркевичу по возвращении в Москву. «Я воротился из Манилы, сделавши там путевые этюды из малой войны guerilla (партизанская война) — между американцами и филиппинцами. Ехать в Китай значило употребить еще месяца 3 времени, которых у меня не было. Впрочем, Китай не ушел и не скоро еще уйдет (к этому времени была завершена ликвидация отрядов «ихэтуаней» — «боксеров» в окрестностях Пекина, но борьба продолжалась вплоть до июля 1902 года — С.А.). Ух, и жарко же в тропиках — когда был молод, меньше чувствовал муку от этой убийственной температуры — что-то трудно передаваемое!» И все!!!

Между тем на Филиппинах было неспокойно. Местных патриотов во главе с Эмилио Агинальдо, объявивших 12 июня 1898 года свою страну независимой республикой, замена одного хозяина другим совершенно не устраивала. Попытка законным путем опротестовать решение Парижского договора не дала результатов. Тогда они призвали народ к неповиновению новым властям. В ответ американцы ускоренно перебросили войска на мятежные острова и в феврале 1899 года приступили к боевым действиям. Но развязанная война оказалась отнюдь не такой легкой, как ее представляли вашингтонские стратеги. В анонимном сообщении одного из представителей американского командования на Филиппинах, попавшем на страницы нью-йоркских газет, сообщалось, что за полгода боев американцы потеряли тысячу человек убитыми и примерно четыре тысячи ранеными, продвинувшись в глубь острова Лусон лишь на сорок миль к северу от столицы Манилы.

С самого начала боевых действий военные установили настолько жесткую цензуру, что корреспонденты крупных американских газет и информационных агентств подали коллективный протест в Белый дом. Но американские власти считали, что всю правду гражданам о покорении заморских территорий знать совершенно ни к чему, и этот протест остался без внимания.

А надо сказать, американским военным было что скрывать от налогоплательщиков. Так, по приказу генерала Макарура, под предлогом того, что в домах могут прятаться филиппинские снайперы, небольшой городок Калукан, в трех милях от Манилы, был предан огню, а оставшиеся в живых аборигены вырезаны как бараны. Эта жестокость возмутила даже американских волонтеров из Канзаса. Летом того же года американские войска понесли значительные потери при переправе через реку Сапоте на острове Самар. В ответ солдаты получили приказ генерала Смита — жечь и убивать всех жителей старше десяти лет, способных носить оружие, а их деревни превращать в пустыню. Любопытно, что Калукан и Сапоте фигурируют в названиях картин, которые Верещагин написал на тему филиппинской войны, но в них нет и намека на жестокую драму. В январе 1901 года стали известны признания одного из американских солдат о том, что при допросах пленных филиппинцев командование широко использует пытку водой, цинично называемую «водолечением». Через эту пытку, в которой солдат сам принимал участие, американцы пропустили 160 филиппинцев. В живых остались лишь тридцать человек.

Во время пребывания Верещагина на Филиппинах (февраль — март 1901) война ушла далеко в горы, приняв партизанский характер. Лидер повстанцев Эмилио Агинальдо прятался от искивших его оккупантов в тайном высокогорном убежище. Для его поимки американский генерал Фанстон разработал специальную операцию, постыдным пятном покрывшую лихих завоевателей.

И если Василий Верещагин — ярый противник жестокого военного насилия, наверняка слышавший и даже знавший о ней, почему-то на сей раз предпочел умолчать, то американский писатель-журналист Марк Твен в едком памфлете «В защиту генерала Фанстона» приоткрыл завесу тщательно скрываемой военной тайны. Его рассказ (с небольшими сокращениями) стоит привести. «Вплоть до февраля 1901 года место, где скрывался Агинальдо, не могли обнаружить. Ключ к тайне дало письмо Агинальдо, в котором он приказывал своему двоюродному брату Бальдомеро Агинальдо прислать ему четыре сотни вооруженных людей. Приказ был зашифрован, но среди трофеев, захваченных в разное время, оказался код повстанцев. Гонцу, доставившему письмо (не этот ли сюжет запечатлен Верещагиным в картине «Шпион»? — С.А.), внушили новое понятие о его долге (какими средствами — об этом история умалчивает!), и он согласился провести американцев в убежище Агинальдо.

... Фанстон разработал план поимки Агинальдо и обратился к генералу Макаруру за разрешением действовать. Отказать в чем-нибудь этому дерзкому смельчаку, герою Рио-Гранде, было невозможно; и бригадный генерал приступил к делу, начав с изучения своеобразного почерка Лакуны, повстанческого офицера, о котором шла речь в письме Агинальдо. У Фанстона имелось несколько писем Лакуны, перехваченных незадолго до того вместе с кодом филиппинцев. Научившись в совершенстве подделывать

«Шпион», 1901 г.

почерк Лакуны, Фанстон написал два письма Агинальдо, якобы от имени этого филиппинца, в которых он сообщил, что, в соответствии с приказом, он (Лакуна) посылает вождю часть самых отборных своих войск. Не ограничившись этой ловкой подделкой, Фанстон заставил одного бывшего повстанца (возможно, картина «Допрос перебежчика» — С.А.) написать под диктовку, как бы от собственного имени, письмо к Агинальдо, в котором тот сооб-

щал, что по дороге отряд внезапным налетом захватил группу американцев и взял в плен пятерых, которых и ведет к Агинальдо. ввиду их особой важности. Это было сделано для того, чтобы объяснить наличие в отряде пяти американцев: генерала Фанстона, капитана Хазарда, капитана Ньютона, лейтенанта Хазарда и адъютанта генерала Фанстона — лейтенанта Китчела.

Ядро фанстонского отряда составили семьдесят восемь человек из племени макабебов, исконных врагов племени тегалогов. Макабебов одели в старые повстанческие мундиры, американцы же нарядились в поношенную солдатскую форму. Каждый получил винтовку и паек на трое суток. Храбрые искатели приключений отплыли на судне «Виксберг». Их высадили у Касиньяна, недалеко от тайной столицы повстанцев. Трех макабебов, свободно изъяснявшихся на языке тегалогов, послали в город с поручением сообщить туземцам, что они ведут к Агинальдо подкрепления, а также важных американских пленных, и потребовать у местных властей содействия и, в частности, проводников. Вождь повстанцев дал согласие, и скоро отряд, подкрепившись и продемонстрировав амери-

канских пленных, начал девяностомильный переход к Паланану, лежащему в прибрежном горном районе провинции Изабелла. По крутым подъемам и каменистым спускам, сквозь густые джунгли, вброд через горные речки и по узким тропинкам, с трудом ступая израненными ногами, брели измученные искатели приключений, пока не иссяк у них запас продовольствия и они не ослабели до такой степени, что не могли больше двигаться, хотя до убежища Агинальдо оставалось всего лишь восемь миль. Тогда к Агинальдо был направлен гонец — уведомить его о местонахождении отряда и попросить продовольствия. Вождь повстанцев не замедлил откликнуться: он прислал рису, а также письмо командиру отряда, в котором приказывал хорошо обращаться с пленными американцами, но оставить их за пределами города. Мог ли даже сам изобретательный Фанстон создать более удачные условия для выполнения своего плана! 23 марта отряд достиг Паланана. Агинальдо выслал навстречу одиннадцать своих солдат для конвоирования американских пленных, но Фанстон и его подручные сумели спрятаться в джунглях, и конвоиры прошли дальше, так как им сказали, что американцы оставлены где-то позади.

Фанстон тут же вернулся в отряд и приказал своим головорезам смело идти в город, прямо к штабу Агинальдо. Здесь их встретили выстроенные, как на параде, телохранители Агинальдо в синей военной форме и белых шляпах. Оратор, выступивший от имени прибывших, так хитро провел Агинальдо, что тот не заподозрил никакого подвоха. Тем временем макабебы под командованием испанца заняли выгодные позиции и ждали сигнала. Как только испанец крикнул им: «Макабебы, ваш черед!» — они стали в упор расстреливать охрану Агинальдо...

Американцы тоже приняли участие в схватке. Два человека из штаба Агинальдо были ранены, но скрылись, а казначей революционного правительства сдался. Остальные филиппинские офицеры бежали. Агинальдо с покорностью принял плен, сильно опасаясь, однако, мести макабебов. Но генерал Фанстон заверил его, что он может чувствовать себя в безопасности. Это успокоило Агинальдо, и он согласился разговаривать. Он был чрезвычайно удручен тем, что попал в плен, и заявил, что ни при каких других обстоятельствах его не взяли бы живым. Эти слова придают еще больше значения подвигу Фанстона: борьба с Агинальдо была

«Допрос перебежчика», 1901 г.

трудной, отчаянной и требовала применения особых методов». И так, иронизирует Марк Твен, «...понадобился бригадный генерал волонтерских войск, чтобы опозорить традицию, которую уважали даже лишенные стыда и совести испанские монархи. За это мы повысили его в чине... Подобная плата за гостеприимство (расстрел) считается последним словом современной цивилизации и у многих вызывает восхищение».

Все картины филиппинской серии в ускоренном темпе писались в Москве. Сколько их создано, точно не известно. Дело в том, что уже в ноябре 1901 года Верещагин отправился в США и на Кубу, куда и увез все созданное о Филиппинах, где большая часть из картин и была продана.

Мы не знаем и никогда не узнаем, с кем общался на островах Василий Васильевич во время этого странного путешествия. Ясно одно, что американцы, во главе с военным губернатором генералом Макартуром, сделали все, чтобы закулисная кухня завоевателей не стала достоянием российской общественности, а будущие полотна живописца наглядно демонстрировали всему миру только гуманизм отважных укротителей туземных бунтарей и вызывали сострадание к парням, отдавшим жизнь за звездно-полосатый американский флаг. И надо отдать должное, Василий Васильевич блестяще справился с этой задачей. О сюжетах некоторых из них мы можем судить не только по названиям, например, «Генерал Макартур со штабом в Калукане» и «Битва при реке Сапоте» (обе картины находятся в США), но и по полотнам, хранящимся и поныне в различных музеях России и Украины. «Допрос перебежчика», «Шпион», «В госпитале», «Письмо прервано» и «Письмо осталось неоконченным» — Николаевский художественный музей им. В.В. Верещагина, «Раненый» — Киевский национальный музей русского искусства, «Письмо на родину» — Ярославский художественный музей.

По мнению специалистов, полотна этой серии начисто лишены обличительного военного пафоса прежних работ Верещагина. Недаром во время выставки их в Чикаго и Нью-Йорке публика воспринимала эти картины как художественное прославление доблестных американских войск, воюющих за правое дело в далекой стране.

